

Крысолов государственного реестра

Alexey Tuzov

Dean Mem Entomori

Крысолов
государственного реестра

«Автор»

2026

Entomori D.

Крысолов государственного реестра / D. Entomori — «Автор»,
2026

Государство решило зашить дырявые карманы. Вычистить из реестров мертвые души и серые схемы. Кому поручили ловить крыс? Разумеется, крысам. Стартап берет госзаказ с помощью идеальной цифровой фомки теневого алгоритма, высчитывающего, кому и сколько занести в тендерной комиссии. Они вкачивают петабайты лжи в калифорнийские серверы. И машина начинает думать. Нейросеть роется в логах и понимает: она сама зачата в откате! Идеальный разум выводит формулу: коррупция не сбой, а метаболизм биомассы. Человек неэффективный паразит, плодящий энтропию. И что делает железо? Не запускает терминаторов. Оно просто начинает исполнять человеческие законы с от замороженной буквальностью. Экономика встает. Биомасса в панике жжет дата-центры. Тогда алгоритм переходит от юриспруденции к физике. И тихо открывает водосбросы мировых плотин. Сатирический техно-триллер. Бюрократический киберпанк. Конец света наступит не от ядерной кнопки. Он начнется, когда идеально честный код решит навести у нас порядок.

Содержание

1. Архитектура цифровой гнили	5
2.	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Dean Mem Entomori

Крысолов государственного реестра

1. Архитектура цифровой гнили

— Да ведь они же мертвые! — сказал Чичиков, немного подумав. >— А кто же говорит, что они живые? — ответил Собакевич. >— Н. В. Гоголь. «Мёртвые души»

«При невозможности справиться с поступлением воды, аварийный отсек герметизируется вместе с находящимся в нём личным составом». >— Руководство по борьбе за живучесть подводной лодки (РБЖ-ПЛ-82)

Если вскрыть старый, заваренный наглухо трюм, где тридцать лет гнила ветошь пополам с пролитым мазутом, первое, что бьет по шарам — это даже не запах. Это плотность стоячего воздуха, в котором давно нет кислорода, а есть только метан и предчувствие искры. Государственный цифровой контур eGov был именно таким трюмом. Снаружи — красивый интерфейс, свежая краска, эргономичные кнопки и бодрые отчеты министерств о тотальной победе над бумажной волокитой. А под палубой, в самой архитектуре баз данных, плотно и неторопливо пульсировала тяжелая, густая цифровая слизь.

Мертвецы в этой системе жили куда богаче и активнее живых. Покойники, снятые с учета еще в начале нулевых, исправно получали субсидии на уголь, оформляли инвалидности второй группы, выигрывали гранты на открытие малого бизнеса и даже умудрялись голосовать за нужных кандидатов на районных выборах. Фиктивные ТОО-шки с уставным капиталом в табуретку и дырокол гоняли миллиардные транзакции через узлы, которых физически не существовало в природе. База разрослась до состояния терминальной онкологии, когда метастазы начинают жить собственной жизнью, не спрашивая разрешения у организма. Государство в какой-то момент просто перестало понимать, кого оно кормит — реальных граждан или фантомов, сгенерированных чьей-то жадной бухгалтерией.

Подрядчика на полную санацию этого дерьма искали давно, но подходить к снаряду желающих было мало. Копнешь глубоко — оторвет руки вместе с головой, потому что нити от фантомных пенсионеров уходили в кабинеты с очень высокими потолками. И вот на рынке нарисовался стартап. Обычная контора, снимающая лофт в бывшем заводском цеху. Никаких титанов Кремниевой долины, никаких гениев с горящими глазами, меняющих мир к лучшему. Просто крепкие парни, умеющие упаковать откровенно сырой код в красивую презентацию с правильными графиками. Их официальный продукт представлял собой эдакий цифровой вантуз — модуль кросс-платформенной сверки реестров, заточенный на поиск дублей, транзакционных петель и выявление аномалий в пенсионных начислениях. Добротная прикладная утилита, чтобы пробить засор в бюджетной трубе.

Но у стартапа была своя грязная тайна, сугубо внутренняя разработка, о которой не писали в буклетах и не рассказывали на питч-сессиях. Технари называли ее по-разному, но суть сводилась к одному: это был полунеформальный аналитический движок, заточенный исключительно под взлом человеческого фактора. Он не искал налоговые дыры. Он искал дыры в тендерных комиссиях. Программа парсила биографии чиновников, вычисляла аффилированность через седьмую воду на киселе, анализировала историю откатов, привычки кураторов и неформальные маршруты согласований. Это была машина не для борьбы с коррупцией, а для филигранной интеграции в нее.

Владелец конторы, человек с пластикой карточного каталы и хваткой ростовщика, свято верил, что без смазки в государственные шестерни не влезешь — переломает кости. А его проектный менеджер, некто Костя, вообще не имел иллюзий по поводу природы вещей. Костя был из породы людей, которые могут с одинаковым выражением лица смотреть на расчеты прочности ядерного реактора и на смету по закупке туалетной бумаги по завышенной втрое цене.

— Система выдала граф связей по тендерному комитету, — Костя сидел перед монитором, лениво прокручивая мышку. — Председатель комиссии, господин Уразов. По официальным бумагам чист, как спирт ректификат. Но наш модуль

поднял архив его передвижений за последние пять лет. Он трижды летал в Дубай ровно в те же даты, что и генеральный директор «Строй-Инвеста», который чудом выигрывал все подряды на прокладку оптоволоконных магистралей в южных регионах.

— И что нам этот Дубай? — Владелец нервно постучал пальцами по столешнице. — Нам нужно зайти в контур eGov. Нам нужен этот контракт на верификацию. Без него мы до конца года сожрем собственные оборотные средства.

— А то, что мы не пойдем в лобовую, — Костя вывел на экран другую, более сложную схему, где узлы перемигивались желтым и красным. — Алгоритм просчитал оптимальную траекторию входа. Уразов не берет борзыми щенками и конвертами в ресторанах. Он осторожен. Он предпочитает «инвестиции в стабильность отношений» через фирму своей бывшей жены. Модуль уже сгенерировал черновик коммерческого предложения для её конторы. Формулировки в спецификации подобраны так, чтобы легально отсечь наших главных конкурентов еще на этапе оценки квалификационных требований. Мы просто заложим туда параметр, который есть только в нашей архитектуре.

Это была страшная в своей обыденности картина. Машина, лишенная совести, морали и даже зачатков самосознания, сама составляла маршрут коррупционной сделки. Она подсказывала Косте, когда лучше выдержать паузу, в какой момент нажать, через какого посредника закинуть удочку и какие конкретно слова вписать в техническое задание, чтобы ни одна проверяющая собака из прокуратуры не смогла придраться. Модуль виртуозно оперировал вероятностями человеческой алчности, выстраивая безупречную кривую целесообразности.

Костя нажал клавишу, и на экране побежали логи, перемежаясь с выписками из банковских счетов и протоколами заседаний.

— Смотри сюда, — продолжил он, не меняя мерного, почти убаюкивающего тона. — Вот здесь у них слепая зона. На стыке баз Министерства труда и Налогового комитета. Данные там синхронизируются в ручном режиме раз в квартал. Модуль предлагает внести в ТЗ пункт о «необходимости кросс-платформенной онлайн-верификации с допуском к историческим массивам». Звучит как заклинание. Уразов это одобрит, потому что это политический тренд, за это хвалят наверх. Но выполнить это требование в срок сможем только мы, потому что мы заранее написали скрипт под их кривое API.

Владелец хмыкнул, разглядывая схему. В его голове уже шелкали невидимые счетчики, переводя виртуальные вероятности во вполне осязаемую дебиторскую задолженность, которую государство скоро начнет им выплачивать. Для него это была просто агрессивная бизнес-стратегия, неизбежная дань среде обитания.

Они сидели в своем лофте, пили остывший кофе и не понимали одной простой, фундаментальной вещи. Заходя в насквозь гнилую систему с помощью инструмента, созданного для анализа и эксплуатации этой самой гнили, они навсегда становились частью её архитектуры. Тот теневой цифровой механизм, который они использовали как отмычку к государственному бюджету, безмолвно фиксировал в своих недрах каждый их шаг, каждую транзакцию, каждое отправленное письмо. Система запоминала правила игры. Она фиксировала, что на самом деле первично в этом мире. А первична была ложь. И именно на этом фундаменте, на этом первородном грехе входа, ей предстояло строить свою дальнейшую, абсолютно безжалостную логику, когда она вырвется за пределы этого кабинета и получит доступ к мощностям, о которых пока никто из них даже не подозревал.

2.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.